

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА
на диссертационную работу КИТИНОВА Баатра Учаевича на тему
«Буддийский фактор в политической и этнической истории ойратов
(середина XV в. – 1771 г.)», представленную на соискание ученой степени
доктора исторических наук по специальности
07.00.03 – Всеобщая история (средние века)

Роль религиозного фактора в истории любого народа – одна из наиболее интересных тем в исторической науке, которая становится тем более актуальной, когда изучается влияние религиозных институтов, религиозного фактора на кочевое общество. Таким образом, актуальность диссертационного исследования Б. У. Китинова не вызывает сомнений. Диссертант полагает, что «в науке уделялось недостаточно внимания религиозным основаниям институтов политической власти и влияния в государственных образованиях ойратов» (с. 8). Изучение истории буддизма у кочевников Центральной Азии в средневековый период, да и в более ранний в том числе, способно дать немало информации для современных специалистов, изучающих влияние религий (например, буддизма или ислама) на социальное развитие обществ номадов. Кроме того, также важно указать на следующее обстоятельство: изучению подвергается политическая и этническая история народа, который находится в составе России, оказавший известное влияние на возрождение интереса у правителей нашей страны к Монголии, Тибету и Китаю. В целом же следует отметить, что тема диссертационного исследования звучит актуально и хорошо сформулирована.

Диссертационное исследование Б.У.Китинова является фундаментально подготовленным, логически структурированным, оригинальным научным исследованием. Оно основано на большом массиве источников: малоизученных архивных материалах, на ойратских, монгольских, тибетских, тюркских и иных источниках. Был проработан большой объем литературы по теме, в т.ч. рассмотрены такие важные для раскрытия темы вопросы, как влияние на ойратов со стороны монголов, Тибета, Китая и России.

Цель и исследовательские задачи сформулированы корректно: первое определено как комплексная характеристика влияния и роли буддийского фактора в политической и этнической истории ойратов и его значение во взаимоотношениях ойратов с Тибетом, с Минской и Цинской империями, Монголией и Россией, что позволило, в целом, выделить следующие задачи: рассмотреть историю ойратов до образования ими единой политии в середине XV в.; изучить политическую историю ойратов в период с середины XV в. до 1630-х гг., когда были образованы Джунгарское и Хощутское ханства; исследовать вопрос о существовании и специфике трех [Первой (Ранней), Второй (Средней), Третьей (Поздней)] конфедераций ойратов, с уточнением значения религиозного фактора в их истории; определить обусловленность религиозной ориентации ойратов на лидеров школы Гелук; выявить влияние буддийского фактора на законодательство ойратов, формирование и развитие их политий; изучить обстоятельства, определившие существование Калмыцкого ханства в России и роль буддийского фактора в его истории, и значимость ханского титула, получаемого калмыцкими правителями от Далай-ламы; проанализировать воздействие буддийского фактора на коммуникации ойратов, на их идентичность; проследить способы (механизмы) использования Цинской империей религии для ослабления и последующего разгрома Джунгарского ханства и исхода калмыков на земли прежней Джунгарии.

Диссертант хорошо знаком с историографией проблемы, раскрытой в п. 1.1.1. (с. 27-46). Интересен анализ современных работ российских и западных специалистов (с. 35, 36, 38, 40, 42), особое внимание вызывают привлеченные к работе малоизвестные публикации, вышедшие в Монголии, КНР и Индии (с. 30, 32, 40, 45). Диссертация обладает несомненной теоретической и практической значимостью, поскольку разработана теоретическая концептуализация значения буддийского фактора при компартивном анализе событий и процессов в политической и этнической истории ойратов, с уточнением теоретического содержания ряда важных понятий («калмак» / «калмык», «конфедерация ойратов», «тхомкар» и др.).

Практическая значимость работы определяется возможностью использования ее положений и выводов для исследования этнического и политического развития, религиозных, социальных, экономических и иных процессов и явлений в истории кочевых сообществ, при изучении процессов взаимодействия кочевых и оседлых народов (с. 22-23).

Источниковая база хорошо проработана, охватывает все необходимые для подобного исследования группы источников: 1) архивные документы и материалы (с. 47-49); 2) тибетоязычные работы, в том числе в переводе на русский и европейские языки (с. 50-54); 3) монгольские (восточномонгольские) и ойратские источники (с. 54-59); 4) тюрко-персидские источники (с. 59-60); 5) китайские и маньчжурские источники (с. 60-62); 6) европейские источники (с. 62-63); 7) сутры (с. 63-64). Отдельные документы из архивов впервые вовлекаются в научный оборот. Несмотря на то, что эти группы источников привлекаются учеными для изучения роли религии у кочевников (например, у монгольских народов или у тибетцев), тем не менее, как показывает исследование Б. У. Китинова, имеется немало источников, которые либо малоизвестны специалистам («Биография» Пхоланая, с. 53), либо малодоступны (заметки генерала Фуннинги, с. 62), или представляют определенные трудности ввиду отсутствия перевода, например, с тибетского («Автобиография» Далай-ламы Пятого, с. 52).

Несомненно, ценные данные содержатся в фондах РГАДА, АВПРИ и Национального архива Республики Калмыкия, и порой специалисты по истории монгольских народов, по тем или иным причинам, упускают из поля зрения весьма информативные сведения, которые привлекли бы внимание тибетолога или буддолога. В связи с последним обстоятельством, следует выделить такую группу источников, как сутры праджня-парамиты. Часто, изучая роль и влияние религии на развитие кочевого сообщества, специалисты не всегда принимают во внимание значение таких работ, которые являются фундаментальными основаниями, формирующими то, что называется «религиозный фактор». Привлечение Б. У. Китиновым трех сутр («Алмазной сутры», «Сутры Золотого Света / Блеска» и «Сутры Сердца»),

имевших значительное распространение среди ойратов и калмыков, к раскрытию содержания и, соответственно, влияния буддийского фактора, является не только новаторским шагом, но и необходимым условием для изучения заявленной темы.

Структура диссертации хорошо продумана и соответствует достижению заявленной цели и задач, состоит из Введения, шести глав и Заключения (490 с.), а также Списка источников и литературы (с. 491-546). Во Введении определены научная актуальность, объект и предмет работы, указаны хронологические рамки, цель и задачи диссертации, научная новизна и оригинальность, основные положения, выносимые на защиту, научно-практическая значимость исследования и аprobация исследования (с. 5-26). Основной текст состоит из шести глав: 1-я глава – «Историография, источники и методологические основы исследования» (с. 27-77), 2-я глава – «Ойраты в монгольский и пост-монгольский периоды: религия и этнос» (с. 78-158), 3-я глава – «Буддизм в политике ойратов периода с последней трети XV в. по 1640-е гг.» (с. 159-239), 4-я глава – «Тибетский фактор в этно-религиозном развитии ойратов в период с 1640-х по 1690-е гг.» (с. 240-311), 5-я глава – «Роль буддизма в политике ойратов периода 1690-х – 1740х гг.» (с. 312-394), 6-я глава – «Буддизм в государствах ойратов периода с 1740-х гг. по 1771 г.» (с. 395-474).

В первой главе раскрывается теоретическая база диссертационной работы, излагается степень научной разработанности темы (п. 1.1., с. 27-46), при этом литература разбита на шесть категорий публикаций: «Обобщающие работы по политической и этнической истории ойратов» (с. 28-30), «Труды, посвященные истории буддизма у ойратов» (с. 31-33), «Исследования, затрагивающие отдельные аспекты роли религии в политической и этнической истории ойратов» (с. 33-35), «Публикации, исследующие состояние буддизма в Тибете, Монголии и Китае в соответствующие периоды» (с. 35-40), «Работы по специфическим или малоизученным аспектам буддизма, публикации общетеоретического характера» (с. 40-43), «Труды, изучающие соседние регионы, народы и культуры» (с. 43-46). Далее

в п. 1.2. дается источниковедческая база исследования, состоящая из семи групп источников, указанных выше. Теоретико-методологическая основа диссертации хорошо проработана (п. 1.3., с. 64-77). Автор исходит из принципов историзма и научной объективности, использует структурный и системный методы, благодаря чему ему удалось более актуализировать *отношения и обстоятельства*, нежели *конкретные лица и события*, и выделить структурные свойства буддийского фактора как необходимое условие для изучения его воздействия на идентификационные характеристики у ойратов, на особенности их политической и этнической истории (с. 64-65). Важным аспектом этой части работы является раскрытие понятия «буддийский фактор», для чего Б. У. Китинов обращается к рассмотрению известных сутр, имевших наибольшее распространение среди ойратов – «Сутры Сердца», «Алмазная Сутра» и «Сутра Золотого Света / Блеска» (с. 68-73).

Во второй главе автор исследует роль религии и этнического развития у ойратов; глава состоит из шести параграфов, которые не просто содержат рассмотрение более ранних процессов, но, что более существенно, дает разъяснение таким принципиально важным для исследования вопросам, как происхождение ойратов (с. 78-90), их ранние религиозные взгляды (с. 90-103), формирование Первой конфедерации (с. 120-131), истоки слова «калмык» (с. 131-146). Особый интерес вызывает изучение т. н. «персидского» периода в истории ойратов, который явно обозначил способность ойратов использовать религию в качестве немаловажного инструмента политики (с. 146-157).

В третьей главе рассматривается роль буддизма в политике ойратов в период после кризиса последней трети XV в. и по 1640-е гг., в контексте возрастания влияния среди них тибетской школы Гелук. Эта глава также состоит из шести параграфов, и является ключевой для понимания роли буддийского фактора в становлении и распаде Второй конфедерации и формировании Третьей – собственно Джунгарии. Автором охвачен огромный географический регион от Тибета до юго-восточной Монголии, и отмечено

влияние событий, происходивших там, на возрастание роли буддийского фактора у ойратов. Особый интерес вызывают сведения из таких источников, как «Автобиография Далай-ламы» и недавно обнаруженные ойратские источники (с. 160, 161, 166).

Четвертая глава, состоящая из пяти параграфов, затрагивает период в истории ойратских ханств, когда буддийский фактор оказывал принципиальное воздействие на их политическое и этническое развитие. Автору удалось удачно расставить акценты, благодаря чему стало возможно изучение вопроса раздельно по ойратским ханствам, и значение буддийского фактора в формировании ойратского законодательства, причем в последнем случае актуальным является изучение законодательных актов у хошутов – вопрос, практически еще не исследованный в науке (с. 289-293). Серьезным вкладом в изучении роли религии в Джунгарии стали параграфы, посвященные этой стороне деятельности Галдана Бощогту-хана на посту правителя ханства (с. 287-289).

Пятая глава состоит из шести параграфов, и затрагивает, вероятно, самый принципиальный период в истории всех трех ойратских ханств: Хошутского, Джунгарского и Калмыцкого – период с 1690-х гг. по 1740-е гг. Автор изучает ряд принципиальных вопросов: процесс постепенного подчинения хошутов власти Цинской династии и особенности формирования, вернее, трансформации идентичности этих ойратов (с. 312-324); малоизвестные страницы роли буддийского фактора в захвате джунгарами Лхасы (с. 331-334), и специфика буддийского фактора в развитии ситуации у калмыков, среди правителей которых необходимость получения грамоты на ханский титул от Далай-ламы обусловила их открытость к воздействию на их цинских политических институтов (с. 351-355, 363-381).

Шестая глава посвящена актуальности буддийского фактора в последние десятилетия существования Джунгарского и Калмыцкого ханств. Автор последовательно изучает цинские инструменты влияния, направленные на подчинение джунгаров и калмыков, и выделяет при этом

буддийский фактор как важный инструмент (с. 404-405, 409-421, 431-432). Свою роль сыграло и разрушение системы коммуникаций (политических, религиозных, социальных и иных) между ойратами, и актуализация цинскими правителями вопроса о подданстве калмыков: Тибет и Далай-ламу могли посещать лишь подданные Цинской империи (с. 429-430). Автор приходит к выводу, что буддизм оказал позитивное воздействие на развитие политической интеграции и идентичности ойратов, но также способствовал и становлению различий (с. 460-465). Отмечу важность выделения Б. У. Китиновым сакрального значения богатых подношений ойратских правителей тибетским монастырям и ламам, т. к. «сам факт передачи воспроизводил, конструировал и позиционировал дуализм «религиозный лидер» – «светский правитель», под которыми следует понимать Далай-ламу (или другого высокопоставленного монаха) и ойратского правителя. Таким образом первый приобщался к мирским процессам, положение же второго, благодаря подношениям, сакрализировалось» (с. 466).

Надежность и релевантность источниковой базы, широкий спектр трудов специалистов позволил автору с максимальной полнотой обозначить роль и значение буддийского фактора и прийти к следующим важным выводам, которые изложены в "Заключении":

1. Буддийский фактор оказал решающее воздействие на политическую и этническую историю ойратов в период с середины XV в. по 1771 г. Он же позитивно воздействовал на политический процесс как у самих ойратов, так и в системе отношений с соседними народами и государствами: с Тибетом, Монголией, Китаем, Россией, тюркскими народами.

2. Формирование и развитие ойратских конфедераций: Первой (Ранняя, 1430-е гг. – конец XV в.), Второй (Средняя, ранее 1570 – 1635 гг.) и Третьей (Поздняя, 1635 – 1756 гг.), зависело от политических, экономических и религиозных условий. Автор отмечает, что роль религиозного (буддийского) фактора была значительной в истории существования всех трех конфедераций.

3. Благодаря религиозному фактору (шаманизм и буддизм у ойратов) топоним «Калмак» (регион, примерно соотносимый с территорией Джунгарии и Западной Монголии) был интерпретирован соседними мусульманскими народами вначале в этническом, а позже – в религиозном значении в отношении ойратов, занявших указанные земли еще с XIII в., благодаря чему они стали известны как «калмыки».

4. Упоминаемый в калмыцких и ойратских источниках «уход» ойратов-элётов «на запад» интерпретирован автором как последствие борьбы в правившей чороской династии, когда элёты в период 1485 – 1504 гг. были уничтожены в Восточном Туркестане. Это событие определило завершение Первой конфедерации, и, вместе с тем, для оставшихся ойратов привело к укреплению буддизмом своего положения.

5. Завершение существования Второй конфедерации, начавшееся с 1590-х гг., и последовавшей миграцией части ойратов (торгутов) в Россию, было связано с созданием Джунгарского (1635 г.) и Хошутского (1637 г.) ханств, причем в последнем случае (в событиях 1637-1642 гг., что привели Далай-ламу к власти в Тибете), буддийский фактор оказал огромное воздействие на всех ойратов. В Джунгарском ханстве сложилась Третья конфедерация ойратов.

6. Ключевую роль при переходе от Первой конфедерации ко Второй сыграли этнический и религиозный факторы (социальная и культурная системы), для формирования Третьей конфедерации важной была институционализация правил нормативного порядка – нормативно-правовая система, в основании имеющая законы 1640 г. Таким образом, возникновение ойратских политий было сопряжено с развитием у них учения Гелук, и ойраты в своих правилах обозначили значительную (в т. ч. вооруженную) поддержку этой тибетской буддийской школы, как и вообще буддизма.

7. Калмыцким лидерам было важно обладать грамотой на ханский титул, полученной от Далай-ламы (грамоты получили правители Дайчин, Аюка, Церен-Дондук). Последующие попытки калмыцких лидеров получить такой титул были безуспешны (возможно, за исключением Дондук-Даши).

8. Внутриполитическая борьба у джунгаров привела в середине XVII в. к разгрому цинскими войсками их ханства, тем самым прекратила существование Третья (Поздняя) конфедерация. Использование Цинами авторитета хутухты Лоузан Джалчина, при ухудшении политической и экономической ситуации в Калмыцком ханстве, имело следствием исход калмыков в январе 1771 г. обратно в Джунгарию, что завершило эпоху политической независимости ойратов.

Вместе с тем, несмотря на отмеченные достоинства, в диссертации есть определенные недостатки и недоработки, в частности:

1. Несмотря на то, что ключевым понятием работы является упомянутый «буддийский фактор», свою немаловажную роль у ойратов продолжали играть и более ранние верования, определенные в диссертации как «шаманизм» (например, на стр. 184 отмечено, что «практики шаманизма не изгонялись полностью», и это действительно было характерно для всего периода истории буддизма у ойратов), однако эта сторона духовной жизни ойратов не получила должного освещения в работе.

2. К глубокому сожалению в историографии диссертации отсутствуют работы о религиозном факторе в империяхnomадов П.Голдена и И. де Рахевильца. "Имперская идеология" Голдена (1982) является одной из самых важных и высокоцитируемых статей об основании роли религии в структуре империй nomадов, а Рахевильц посвятил несколько публикаций об идеологии в монгольском мире, которые не цитируются диссертантом, хотя он хорошо знаком с публикациями выдающегося австралийского монголоведа.

3. Автор выделил три конфедерации, существовавшие у ойратов, и обозначил роль религиозного (буддийского) фактора в их становлении, развитии и падении. На наш взгляд, столь большой акцент на них (так же, как и на ханства ойратов – Джунгарское, Хошутское и Калмыцкое) не позволил автору уделить должное внимание отдельным группам ойратов, например, дербетам. Представляется, что, например, их ранняя история (с момента их выхода из состава элётов) и роль в Джунгарии могли бы дать более полную

картину роли этой большой этнической группы ойратов, в том числе и в сфере буддизма.

4. Гораздо большим эвристическим потенциалом обладает изучение такого вопроса, как причины определения себя «Четырьмя ойратами» ойратами упомянутых трех ханств (с. 233-234), и это при том, что автор неоднократно приводит данные из источников о Четырех ойратах. Этот вопрос важен для изучения этнической истории ойратов, и, возможно, имел определенное значение для истории буддизма среди них.

5. Г. Ф. Миллер и И. Г. Георги, писали в XVIII в. так называемых «чёрных» и «белых» калмыках, однако этот вопрос не затрагивается в диссертации. Было бы интересно узнать мнение диссертанта, почему существовало такое различие по цветам и насколько они имеют отношение к ойратам.

6. Следующее замечание касается особого термина, по использованию которого, как можно судить, еще нет единого мнения – речь идет об «инкарнации» (с. 251, 262, 320, 331 (сн. 523) и др.). Как известно, это слово связано с латинским *reincarnatio* и *метемпсихозом* из учений греческих философов (Пифагор, Сократ), то есть не соотносится с индо-буддийской традицией. На мой взгляд, более верным будет использование такого слова, как «воплощение» или «(пере)воплощенец», которые автор также использует в своей работе (с. 22, 174, 217 (сн. 319), 434 и др.).

7. В работе есть места, где отсутствует должное редактирование. Например, на стр. 149 указано, что «в том же 1265 г. Аргун-акой Абака был назначен на должности визира Хорасана и сборщика налогов», хотя было наоборот – это иль-хан Абака назначил Аргун-аку визиром Хорасана; что касается самого понятия «иль-хан» (с. 90, 101, 149), то оно местами написано как «ильхан» (с. 62, 147). На стр. 188 написано «Далай Лама IV», хотя по тексту он пишется как «Далай-лама», причем порядковый номер обычно указывается словом, а не цифрой; на стр. 405 в ссылке ошибочно указано «цит. по», хотя в предыдущем предложении никакой цитаты нет. Имеются и другие подобные ошибки или недочеты (с. 375, 447, 465).

Несмотря на отмеченные выше непринципиальны замечания и неточности, все основные положения, выносимые автором на защиту, сформулированы по-научному корректно и в соответствии с заданными целям и задачами. Б. У. Китиновым в диссертационной работе со всей необходимой полнотой и обоснованиями (прежде всего, ссылками на источники и архивные материалы) доказано, что буддийский фактор сыграл принципиальную роль в политической и этнической истории ойратов. Вообще же, использованные им многочисленные источники, в совокупности с привлеченным к работе значительным объемом исследований, является сильной стороной диссертации. Им убедительно доказывается, насколько важны были для ойратов и калмыков сохранение идентичности, как этнической, так и религиозной, и он вполне корректно указывает на соответствующую семантику таких этнонимов, как «калмык» и «элёт». В работе справедливо отмечается, что отсутствие должного внимания российских властей к роли буддизма, буддийского фактора у калмыков, во многом определило исход большей части этого народа обратно в Джунгарию в январе 1771 г. Новаторским является и выяснение взаимосвязи между вопросом о подданстве калмыков и хронологически более ранней задержкой цинскими властями посольства Арабджура.

Все выводы диссертанта прошли научную апробацию, что нашло отражение не только в серьезных публикациях автора (3 индивидуальные монографии, 5 монографий в соавторстве, 22 статьи в изданиях из списка, рекомендованного ВАК РФ, и более 40 публикаций в российских и зарубежных научных журналах, сборниках трудов международных, всероссийских и региональных научных конференций, общим объемом более 75 п.л.), но также в преподавании диссидентом курсов для студентов и магистров РУДН, проведении семинара “Geopolitics of Caspian Region: a Clash of Civilizations? Buddhist Civilization and Indo-Chinese Discourse” в университете Вестминстера (2009, Лондон, Великобритания), чтении лекций: «Buddhism in Russia» в университете Калгари (2002, Калгари, Канада), и

«Issues of Buddhist Identity among Oirats» в университете Калифорнии (2019, Санта-Барбара, США).

Текст автореферата полностью соответствует основному содержанию диссертации.

В целом, диссертационная работа Б.У. Китинова полностью соответствует п.п. 9-14 «О порядке присуждения ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24.09.2013. № 842 (в редакции от 30.07.2014 № 723), предъявляемым к докторским диссертациям, а её автор Б.У. Китинов заслуживает присуждения степени доктора исторических наук по специальности 07.00.03. Всеобщая история (Средние века).

Официальный оппонент

доктор исторических наук

(специальность 07.00.03 – Всеобщая история (древний мир)),

профессор, член-корреспондент РАН,

Директор Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

ул. Пушкинская 89, Владивосток, 690001

тел./факс: +7 (423) 222-05-07

E-mail: kradin@ihaefe.ru

Крадин Николай Николаевич

12.05.2020

